

УДК 331.5

**ИНДИКАТОРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ И ЭФФЕКТЫ
СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-ЗАНЯТОСТИ:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

©*Бурдаева Е. Ю.*, SPIN-код: 2241-0612, ORCID: 0000-0001-7503-7936,
Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.,
г. Саратов, Россия, naukasoc@mail.ru

©*Зайцев Д. В.*, SPIN-код: 2153-0615, ORCID: 0000-0001-6960-6703, д-р социол. наук,
Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.,
г. Саратов, Россия, zaitsevd@bk.ru

©*Летягина С. К.*, SPIN-код: 2192-0665, ORCID: 0000-0001-7031-7318, канд. социол. наук,
Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.,
г. Саратов, Россия, sociologsar@mail.ru

**INDICATOR PARAMETERS AND EFFECTS OF MODERN INTERNET EMPLOYMENT:
SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONTEXT**

©*Burdaeva E.*, SPIN-code: 2241-0612, ORCID: 0000-0001-7503-7936,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia, naukasoc@mail.ru

©*Zaitsev D.*, SPIN-code: 2153-0615, ORCID: 0000-0001-6960-6703, Dr. habil.,
Yury Gagarin State Technical University of Saratov Saratov, Russia, zaitsevd@bk.ru

©*Letyagina S.*, SPIN-code: 2192-0665, ORCID: 0000-0001-7031-7318, Ph.D.,
Yury Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia, sociologsar@mail.ru

Аннотация. В статье осуществляется комплексный анализ параметров интернет-занятости как нового феномена современного развития общества. Интернет-занятость рассматривается как социально-трудовая деятельность граждан с целью получения дохода для удовлетворения личных и социокультурных потребностей, посредством применения виртуальных средств коммуникации и взаимодействия в сети Интернет. Продуктивной для исследования феномена выступает микс-стратегия, методология смешанных исследований, что позволяет отразить его многогранность. Интернет-занятость представлена комплексом индикаторных параметров, классифицируемых по содержательному основанию в формате фасетной модели. Выявлены и обоснованы три группы основных параметров: социокультурные, психологические и экономические. Приведены статистические данные развития и динамики интернет-занятости в России и мире. Обоснована необходимость проведения углубленных социально-психологических исследований интернет-занятости. Именно усиление психологического вектора отечественных и зарубежных исследований позволит осуществить превенцию появления, развития и распространения нарушений психического статуса интернет-работников. Интернет-занятость для многих телеработников выступает в качестве фактора риска, генерируя проблемы психоэмоционального характера, например, панические атаки, стрессы, депрессии. Это определяется спецификой е-занятости, в частности, автономностью выполнения трудовых функций (социокультурной изоляцией), локализацией профессиональной деятельности (в пространстве домохозяйства), алекситимическими проявлениями (резким ограничением круга коммуникации), отсутствием психоэмоциональной поддержки со стороны близких людей, фоновым конфликтом между

трудовыми и бытовыми (повседневными) обязанностями. Результаты исследования значимы для приращения теоретических знаний в области социологии и психологии труда, социологии и психологии личности, гендерологии, а также для совершенствования практики социальной работы в сфере занятости населения и оптимизации трудоустройства представителей социально-уязвимых, маломобильных групп.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the parameters of Internet employment as a new phenomenon of the modern development of society. Internet employment is viewed as the social and labour activity of citizens with the aim of generating income to meet personal and sociocultural needs, through the use of virtual means of communication and interaction on the Internet. The mix-strategy, the methodology of mixed studies, which allows reflecting its multifacetedness, is productive for the study of the phenomenon. Internet employment is represented by a complex of indicator parameters, classified according to the content base in the format of the facet model. Three groups of basic parameters have been identified and substantiated: socio-cultural, psychological and economic. The statistical data on the development and dynamics of Internet employment in Russia and the world are given. The need for carrying out in-depth socio-psychological research of Internet employment is grounded. It is the strengthening of the psychological vector of domestic and foreign research that will make it possible to prevent the emergence, development and spread of violations of the mental status of Internet workers. Internet employment for many teleworkers acts as a risk factor, generating psycho-emotional problems, for example, panic attacks, stress, depression. This is determined by the specifics of e-employment, in particular, the autonomy of the performance of labor functions (socio-cultural isolation), the localization of professional activities (in the home), alexithymic manifestations (a sharp restriction of communication), lack of psycho-emotional support from close people, a background conflict between labor and household (daily) duties. The results of the research are significant for the increment of theoretical knowledge in the field of sociology and labour psychology, sociology and personality psychology, genealogy, as well as for improving the practice of social work in the employment of the population and optimizing the employment of representatives of socially vulnerable, low-mobile groups.

Ключевые слова: интернет-занятость, интернет-работник, показатели и индикаторы e-занятости, параметры интернет-работы.

Keywords: Internet employment, Internet worker, e-employment indicators and indicators, Internet work parameters.

Введение

Интернет-занятость представляет собой социально-трудовую деятельность граждан с целью получения дохода для удовлетворения личных и социокультурных потребностей, посредством применения виртуальных средств коммуникации и взаимодействия в сети Интернет. Исследование феномена интернет-занятости продуктивно осуществлять с позиций микс-методологии (смешанных исследований mixed-methods), представленной, в частности, трудами А. Tashakkori, С. Teddlie и J. Creswell [1-4]. Это обусловлено многогранностью данного явления, его комплексностью, как совокупностью социокультурных, экономических, демографических, психологических и иных параметров. Развитие интернет-занятости в России отражает ее динамика, иллюстрируемая, например, числом зарегистрированных

пользователей сайта freelance.ru, которое достигло в 2014 г 4 млн чел, а к 2018 г приблизилось к 9 млн. Аналогичная картина складывается на основе анализа блогосферы крупнейшей в России поисковой системы и интернет-портала Яндекс (www.yandex.ru). В кризисный 2008 год число упоминаний «фриланс» в Yandex блогах выросло более чем в два раза — с 7 тыс до 17 тыс, и продолжало стремительно расти. За 9 мес 2011 г. число упоминаний «фриланс» увеличилось на 24% от числа упоминаний за весь 2010 г (с 21700 до 27000 упоминаний); в 2015 г — на 62%; в 2017 г — на 71% (www.blogs.yandex.ru).

Анализ зарубежных и отечественных публикаций показывает, что в науке разработаны различные теоретические подходы к изучению социально-экономического поведения и социальных эксклюзий на рынке труда (S. Clark, J. Skott, H. Uait, T. Aggertson; В. Гимпельсон, З. Голенкова, Т. Заславская, В. Кабалина, В. Радаев, Н. Римашенская, М. Шабанова).

Знакомство с исследованиями американских, английских, французских и ученых других стран (например, J. Brahhi, G. Gordon, J. Nilles, F. Kinsman) показывает отсутствие целостной теоретической концепции интернет-занятости за рубежом, поверхностность анализа ее социально-экономических, социокультурных, социально-психологических аспектов. До настоящего времени не сформирована система конкретизированных комплексных параметров интернет занятости, позволяющих осуществлять качественное измерение ее эффектов. Первым этапом создания данной системы выступает определение классификационных основ дифференциации параметров.

Материал и методы исследования

Эмпирической основой исследования стали данные государственной и независимой статистики в сфере виртуальной дистанционной занятости, вторичный анализ результатов мониторингов различных исследовательских групп (J'son & Partners Consulting, Фонд общественного мнения, Всероссийский центр изучения общественного мнения), данные всероссийских и региональных исследований отдельных ученых — представителей научных школ России (в частности, саратовской и пензенской социологических школ, саратовской психологической школы).

Методология исследования представлена, прежде всего, количественным подходом, а также аналитическими стратегиями рефлексии информации.

Результаты и обсуждение

Имманентно интернет-занятости присуща экономическая природа, в связи с ее «способностью» снижать объемы бюджетирования процессов организации и реализации традиционного формата трудовой деятельности. Экономические показатели, на которые влияет интернет-занятость, представлены, в частности, уровнем занятости населения, оплатой труда, доходом домохозяйств, торговым балансом, расходами организаций, арендными ставками, себестоимостью продукции, качеством жизни и иными. Интернет-занятость обеспечивает мультипликативный эффект, влияя на разные стороны экономической жизни общества. Например, по результатам комплекса исследований J'son & Partners Consulting, проведенных по заказу сервиса «Битрикс24» — если к 2020 г 20% рабочих мест в России будут виртуальными (удаленными, интернет форматными), то экономия работодателей составит более 1 триллиона рублей (<https://www.rbc.ru/technology>).

Экономия каждого интернет-работника можно посчитать самостоятельно, учитывая расходы на дорогу в офис и обратно, «офисное» питание, дресс-код. Помимо этого, крайне

важным и затратным для определенной части работников является вынужденное формирование и поддержание статуса в виде демонстрационного потребления (в риторике Т. Веблена).

Данное поведение предполагает приобретение предметов роскоши (например, золотых часов, роскошных автомобилей, недвижимости VIP-класса). В отдельных группах показное / знаковое потребление выступает в качестве культурной нормы и хотя иррационально по своей сути, рассматривается как позиционное благо [5]. В рамках постмодернизма потребление, по мнению Ж. Бодрийяра, заключается в приобретении вещами сущности знаков, формирующих специфический дискурс, и представляет собой символическую практику манипулирования знаками. В результате вещь (предмет, товар) дуальна, выступая и как экономический объект, и как объект различения, социально-психологической, социокультурной дифференциации. Особенную актуальность это проявляется в контексте избыточного потребления, где важны не потребительские свойства предмета, а его социокультурный престиж [6].

Мировая статистика свидетельствует о том, что в среднем производительность труда интернет-работника возрастает на 20-40% по сравнению с сотрудниками, работающими в офисе, а эксплуатационные расходы компании снижаются на 5-9 тыс. \$ в год на одного человека. Кроме того, у таких работников на 35% реже наблюдается бессонница, что косвенно обеспечивает экономию на оплате больничных, а 75% — по их собственным оценкам, смогли лучше сочетать частную жизнь и работу [7].

Ресурсы интернет-занятости влияют на ряд социокультурных характеристик, в частности, смягчают социальное неравенство, обеспечивая доступ маломобильных групп общества к занятости, к профессиональной самореализации. К таким группам, прежде всего, относятся люди с ограниченными возможностями здоровья, с инвалидностью, пенсионеры, граждане, вынужденные осуществлять уход за близкими с отрывом от традиционной трудовой деятельности (вне дома): молодые мамы, сиделки, представители паллиативных практик. Кроме того, интернет-занятость позволяет повысить статус дистанционных работников в группе «обычных»; расширить инклюзивное пространство в обществе, за счет стирания культурных различий; нейтрализовать гендерное неравенство, так как, по данным комплекса отечественных и зарубежных мониторинговых исследований, традиционно, у мужчин более высокая заработная плата, чем у женщин (<http://www.gks.ru>) [8].

Статистически, в рамках демографического среза, интернет-работниками становится 52% женщин и 48% мужчин. Это установлено в ходе серии, проведенных нами в 2014-2016 годах анкетных опросов виртуальных дистанционных работников трех регионов России - три федеральных округа (центр и периферия): Центральный/ЦФО, Приволжский/ПФО и Сибирский/СФО (N=1500). В рамках исследования установлено, что в пять раз чаще дискриминационные практики осуществлялись в отношении женщин, по сравнению с мужчинами (10% и 2% соответственно), в пользу этой тенденции свидетельствуют и результаты многочисленных социологических исследований [9].

Также молодежь традиционно дискриминируема на рынке труда по объективным причинам (отсутствие стажа, необходимого образования, завышенные требования девушек и юношей и т.п.). В итоге, по данным Росстата на 01.01.2018 года, в среднем каждый четвертый представитель молодежи оказывается безработным (<http://www.gks.ru>), что подтверждается результатами независимых исследовательских агентств (например, W-City.net, Superjob.ru). Это негативно, так как по закону А. Оукена — каждый 1% прироста безработицы, сверх ее естественного уровня, приводит к отставанию объема ВВП на 2,5% [10]. Кроме этого, для

большинства молодых людей характерна высокая степень профессионально-трудовой мобильности, прежде всего, ввиду их амбиций и стремлений.

По мнению А. Шевчука и Д. Стребкова, дистанционный труд смыкает границы между странами, языковые барьеры и формирует миграционные потоки, благодаря которым российская молодежь переезжает за границу, а российские предприятия пополняются иностранной рабочей силой [11].

С позиций психологии также доступно измерение рассматриваемого феномена. Измерению могут подвергаться особенности психики и ее проявлений у интернет-работников. С учетом относительной новизны явления и его игнорирования психологическим сообществом, статистические данные психологического порядка фактически отсутствуют. Имеются разрозненные эмпирические результаты, полученные, прежде всего, зарубежными учеными и практиками на основе наблюдений. При этом, существующие результаты слабо структурированы и часто оторваны от самого процесса трейдинга (например, книга Т. Оберлехнера «Психология рынка Форекс» или книга Б. Стинбарджера «Психология трейдинга»).

Б. Стинбарджер, являясь психологом, имеет смутное представление о процессе интернет-трейдинга, что, как отмечает Т. Мартынов, снижает степень валидности его выводов (<https://goo.gl/anBRLB>).

По предварительным данным, например, среди работающих дистанционно интернет-трейдинге, более 80% из них не могут контролировать свое психоэмоциональное состояние в контексте реализации профессиональной деятельности; для 50% характерны панические атаки; 22% склонны к суициду при появлении проблем в интернет-трейдинге [12].

Это подтверждает Г. Хансон указывая, что работа в отраслях, связанных с нервным перенапряжением и стрессами (к которым относится и интернет-трейдинг), приводит американцев к депрессии, а в 22% случаях — к самоубийству (<https://goo.gl/rxY32i>).

В США первое место в рейтинге «профессий самоубийц» занимают работники фондового рынка: в числе брокеров, трейдеров самоубийц в четыре раза больше, чем среди иных специалистов (<https://goo.gl/rRHFLt>).

Результаты проведенных нами в 2016 г опросов дистанционных работников в трех регионах России свидетельствуют о фиксируемом у респондентов недостатке непосредственного общения с людьми (12% (наиболее ценится оно в Приволжском федеральном округе, наименее — в Сибирском)).

Недостижимость непосредственной коммуникации больше актуализировалась женщинами, в отличие от мужчин (18% и 6,5% соответственно). Это подтверждается результатами опросов — у российских женщин в предпочтениях выбора трудовой деятельности первостепенна возможность общения с людьми, нахождения в коллективе (28%) [13].

Проблему равнодушного, игнорирующего отношения со стороны руководящего состава компании, в которой они работают, отметили 6% опрошенных. Так, дистанционных работников чаще всего в Приволжском федеральном округе не информировали о бонусах, корпоративных мероприятиях [14].

Актеры интернет-занятости (в риторике G. Millerson) принадлежат к определенному социальному слою. Это обусловлено тем, что: занятость осуществляется на основе применения умений и навыков, основанных на теоретическом знании; реализуется специализированное образование, формирование этих навыков; фиксируется особая компетентность, подтвержденная прохождением установленных испытаний; имеется наличие кодекса поведения, отражающего профессиональную идентичность; исполняются

определенные социально одобряемые служебные обязанности; отмечается членство в ассоциациях дистанционных работников, фрилансеров [15].

Заключение

Индикаторные параметры значений интернет-занятости, прежде всего, классифицируются по содержанию (фасетная модель (facette — грань)). Фасетная система отличается большой гибкостью, возможностью ограничивать число признаков, по сравнению с иерархической. В результате мы получаем три группы основных параметров: социокультурные, психологические и экономические. Наиболее широко представлены, в настоящее время, первые и третьи. Эмпирические исследования психологических особенностей анализируемого феномена перспективны в аспектах профилактики нарушений психики виртуальных дистанционных работников (занятых в сети Интернет), а также оптимизации организационно-управленческих принципов интернет-занятости. Последнее, прежде всего, предполагает построение онлайн взаимодействия потенциального руководителя и интернет-работника на основе конкретизированной системы психологического отбора кандидатов, сопровождения их профессиональной деятельности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00560»

Список литературы:

1. Tashakkori A., Teddlie Ch. Mixed methodology: Combining qualitative and quantitative approaches. Thousand Oaks: Sage, 1998.
2. Greene J. C., Caracelli V. J., Graham W. F. Toward a Conceptual Framework for Mixed-Method Evaluation Designs // Educational Evaluation and Policy Analysis. 1989. V. 11. №3. P. 255-274. DOI: 10.3102/01623737011003255.
3. Rossman B. G., Wilson B. L. Combining Quantitative and Qualitative Methods in a Single Large-Scale Evaluation Study // Evaluation Review. 1985. V. 9. №5. P. 627-643. DOI: 10.1177/0193841X8500900505.
4. Creswell J. Research Design: Qualitative, Quantitative and Mix Method Approaches. Thousand Oaks: Sage, 2009.
5. Veblen T. The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. New York, 1934. 368 p.
6. Baudrillard J. Pour une critique di l'économie politique du signe. Editions Gallimard, 1972. 272 p.
7. Меркулов М. М. Дистанционный персонал - мифы и реальность. Режим доступа: <https://psycho.ru/library/1456> (дата обращения 11.09.2018).
8. Ощепков А. Ю. Гендерные различия в оплате труда в России. Препринт WP3/2006/08. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 52 с.
9. Зайцев Д. В., Ловцова Н. И., Правкина Я. Ю., Щепланова В. В. Экономические и социально-управленческие аспекты виртуальных трудовых отношений современной российской молодежи // Журнал экономики и управления. 2018. Т. 12. №1. С. 159-169.
10. Blaug M. Great Economists since Keynes: An Introduction to the Lives and Works of One Hundred Modern Economists. Edward Elgar Publishing, 1998. 328 p.

11. Shevchuk A., Strebkov D. Freelancers in Russia: Remote Work Patterns and E-Markets // *Economic Sociology*. 2012. V.13. №2. P. 37-46.
12. Евдокименко С. Самоубийство трейдера. Психология торговли или что делать, если проиграл на Форексе? Режим доступа: <https://goo.gl/HmVth1> (дата обращения 09.09.2018).
13. Арсланова С. К. Гендерные стереотипы трудовой занятости женщины в условиях рыночных отношений. Режим доступа: <https://goo.gl/u9dSjB> (дата обращения 10.09.2018).
14. Зайцев Д. В., Щелокова И. В. Виртуальная дистанционная занятость молодежи: социальное значение и прогноз // *Бюллетень науки и практики*. 2016. №9 (10). С. 204-207. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/zaitsev> (дата обращения 15.09.2016). DOI: 10.5281/zenodo.154293.
15. Millerson G. *The Qualifying Associations*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1964. P. 194.

References:

1. Tashakkori, A., & Teddlie, Ch. (1998). *Mixed methodology: Combining qualitative and quantitative approaches*. Thousand Oaks, Sage.
2. Greene, J. C., Caracelli, V. J., & Graham, W. F. (1989). Toward a Conceptual Framework for Mixed-Method Evaluation Designs. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, 11(3), 255-274. doi:10.3102/01623737011003255.
3. Rossman, B. G., & Wilson, B. L. (1985) Combining Quantitative and Qualitative Methods in a Single Large-Scale Evaluation Study. *Evaluation Review*, 9(5). 627-643. doi:10.1177/0193841X8500900505.
4. Creswell, J. (2009) *Research Design: Qualitative, Quantitative and Mix Method Approaches*. Thousand Oaks, Sage.
5. Veblen, T. (1934). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. New York, 368.
6. Baudrillard, J. (1972). *Pour une critique di l'économie politique du signe*. Editions Gallimard, 272.
7. Merkulov, M. M. (2017) *Distantionnyy personal - mify i realnost*. Available at: <https://psycho.ru/library/1456>, accessed 11.09.2018. (in Russian)
8. Oshchepkov, A. Yu. (2006). *Gendernyye razlichiya v oplate truda v Rossii*. Preprint WP3/2006/08. Moscow, GU VSHE, 52. (in Russian)
9. Zaytsev, D. V., Lovtsova, N. I., Pravkina, Ya. Yu., & Shcheblanova, V. V. (2018). *Ekonomicheskiye i sotsialno-upravlencheskiye aspekty virtualnykh trudovykh otnosheniy sovremennoy rossiyskoy molodezhi*. *Zhurnal ekonomiki i upravleniya*, 12(1). 159-169. (in Russian).
10. Blaug, M. (1998). *Great Economists since Keynes: An Introduction to the Lives and Works of One Hundred Modern Economists*. Edward Elgar Publishing, 328. (in Russian).
11. Shevchuk, A., & Strebkov, D. (2012) *Freelancers in Russia: Remote Work Patterns and E-Markets*. *Economic Sociology*, 13(2), 37-46.
12. Yevdokimenko, S. (2017). *Samoubiystvo treydera. Psikhologiya trgovli ili chto delat, yesli proigral na Forekse?* Available at: <https://goo.gl/HmVth1>, accesstd 09.09.2018. (in Russian).
13. Arslanova, S. K. (2013). *Gendernyye stereotipy trudovoy zanyatosti zhenshchiny v usloviyakh rynochnykh otnosheniy*. Available at: <https://goo.gl/u9dSjB>, accesstd 09.09.2018. (in Russian).

14. Zaitsev, D., & Shchelokova, I. (2016). Virtual remote youth employment: social value and forecast. *Bulletin of Science and Practice*, (9). 204-207. doi:10.5281/zenodo.154293. (in Russian).
15. Millerson, G. (1964). *The Qualifying Associations*. L., Routledge & Kegan Paul, 194.

*Работа поступила
в редакцию 06.09.2018 г.*

*Принята к публикации
10.09.2018 г.*

Ссылка для цитирования:

Бурдаева Е. Ю., Зайцев Д. В., Лetyагина С. К. Индикаторные параметры и эффекты современной интернет-занятости: социально-психологический контекст // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №10. С. 443-450. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/burdaeva> (дата обращения 15.10.2018).

Cite as (APA):

Burdaeva, E., Zaitsev, D., & Letyagina, S. (2018). Indicator parameters and effects of modern internet employment: socio-psychological context. *Bulletin of Science and Practice*, 4(10), 443-450. (in Russian).